

Послесовременность войны

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Доцент, Школа философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); заведующий, ведущий научный сотрудник, сектор социальной философии, Институт философии РАН (ИФАН). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: apavlov@hse.ru.

Ключевые слова: современность; постмодерн; война; теория справедливой войны; «новые войны», социальная теория.

Статья представляет собой подытоживающий материал к тематическому номеру «Логоса», посвященному исследованиям войны. Автор отмечает, что, вопреки предсказанию Ханны Арендт, не революции, но войны сопровождают социальную деятельность человека в XXI столетии. И поскольку войны повсеместны, существует их философское осмысление. При всем многообразии рассуждений о войне можно выделить три теоретических дискурса, сосредоточенных на собственных темах. Первый дискурс — это попытка реактуализировать военную мысль Карла фон Клаузевица, первого теоретика «современной» войны; второй — теория справедливой войны, сосредоточенная на вопросах прикладной этики (правомерно ли начинать войну, как вести боевые действия, что делать

после окончания конфликта и т. д.); третий — дискуссии о «новых войнах».

Автор отмечает, что второй дискурс слишком инструментален, и часто аппарат теории справедливой войны отстает от эмпирических реалий, а первый может быть в лучшем случае абстрактно-теоретическим, но отнюдь не прикладным. Из этого делается вывод, что наиболее важным для практической философии остается третий дискурс о войне, то есть спор о «новых войнах». Вот почему основное внимание следует уделять развитию и исследованию теории и, самое главное, практики «новых войн». В заключение отмечается, что обогатить этот дискурс могла бы социальная теория (пост)современности, тем самым намечаются дальнейшие области для исследовательской работы.

СВОЮ знаменитую книгу «О революции» Ханна Арендт начинает с очевидного утверждения: XX век, в соответствии с ленинским предсказанием, стал столетием войны и революции — двух феноменов социальной деятельности, в основе которых лежит насилие. Сама Арендт сосредоточивается при этом именно на проблеме революции, а с войной как важной сферой социального действия стремится распрощаться:

И если нам не суждено исчезнуть вове, то более чем вероятно, что именно революции, а не войны будут сопровождать нас в обозримом будущем¹.

Это суждение она объясняет тем, что сама природа войны изменилась. Но если мы предположим, что она оказалась настолько прозорливой, чтобы предсказать возникновение «новых войн», то жестоко ошибемся, потому что, с точки зрения Арендт,

... новизна же проблемы заключается в том, что сегодня избежание войны является не столько действительной или мнимой целью глобальной политики, сколько направляющим принципом самих военных приготовлений².

Сегодня мы видим, насколько недальновидным оказалось такое утверждение. Конечно, можно спорить о том, что такое «обозримое будущее» и что такое «революция», но очевидно одно: то, что ранее считалось революциями, и то, что сама Арендт под ними подразумевает (Американская революция, Великая французская революция и «Великая русская революция»), пока что не повторялось. То же, что часто называют революциями сегодня («оранжевая революция», «арабская весна» и т. д.), может быть так определено, только если понимать этот термин крайне широко, как, например, социолог Джек Голдстоун, то есть фактически как «государственный переворот»³. И хотя очередной мировой вой-

1. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. С. 12.

2. Там же. С. 10.

3. См.: Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

ны не произошло (во всяком случае пока), военные конфликты до сих пор развиваются во многих точках земного шара. И даже утверждение о том, что война перетекает в революцию, и то оказалось перевернутым — теперь, как мы видим, «революция» может перетекать в войну, а не наоборот. Одним словом, если нам не суждено исчезнуть вовсе, то более чем вероятно, что именно войны, а не революции будут сопровождать нас в обозримом будущем.

Хотя ученые продолжают ожесточенно спорить о сущности феномена революции, очень часто их исследования посвящены прошлому, то есть классике; многие же из осмысляющих войну философов обращают свой взор в том числе на сегодняшние реалии. То есть война остается в фокусе внимания социальной и политической теории, а также этики. Но вот что любопытно. О войне пишут много и часто. Однако кажущееся многообразие современных, то есть актуальных на сегодняшний день, философских подходов к анализу феномена войны на самом деле без труда можно систематизировать в рамках трех дискурсов — дискурсов, определяющих начало работы мысли с проблематикой инициации, ведения, завершения и последствий военных действий. Очень важно, что эти дискурсы, хотя и могут переплетаться, оказываются самостоятельными полями сражений за то, как следует мыслить войну. Лучшей иллюстрацией этой позиции является тема этого номера «Логоса». Каждый из блоков — самостоятельный дискурс о войне. Это попытка актуализации военной мысли Клаузевица, теория справедливой войны и, наконец, дискуссии о «новых войнах». Далее я постараюсь аргументировать, казалось бы, очевидный (но на деле — не такой уж и очевидный) тезис о том, что эти дискурсы имеют разный эвристический потенциал для актуальной социальной теории и фактически для всех нас — тех, кто проживает свои жизни в XXI столетии.

Итак, в первую очередь в рассуждениях философов о войне выделяется стиль мышления, отталкивающийся от установок прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица. В самых разных текстах, посвященных вопросам военных конфликтов, мы встречаем обязательные ссылки на Клаузевица и его образ мысли. Примечательно, что даже Ханна Арендт не может избежать этого соблазна, цитируя набившее оскомину выражение «продолжение политики иными средствами». Впрочем, для Арендт это упоминание не случайно, но необходимо: Клаузевиц ей нужен, чтобы в итоге его изящно опровергнуть⁴. Самое удивительное, что современные теоретики продолжают обращаться как к авторитетному источнику

4. Арендт Х. Указ. соч. С. 7.

к книге «О войне», хотя она издана в 1832 году, когда важную роль в боевых действиях играли смена времен года, дня и ночи, погода и даже кавалерия⁵, а адресована она в первую очередь не философам, но военным. Вероятно, самого Клаузевица это удивило бы, учитывая, что он отдавал себе отчет в том, что война в новую эпоху будет новой и многое из его идей потеряет актуальность.

Второй дискурс, завоевавший большое число приверженцев среди философов и исследователей и ставший фактически официальным дискурсом размышлений о войне, — это, несомненно, комплекс теорий, объединенный обозначением «теории справедливой войны» (*just war theory*). Слово «официальный» — не преувеличение, поскольку сама задумка и реализация современных теорий справедливой войны ориентированы на регламентацию военных действий государств, неизбежно сопровождающих международный процесс⁶. К тому же по духу и философской методологии теория справедливой войны находится в авангарде развития аналитических средств философии и аналитической этики. Наиболее авторитетные из авторов, пишущих о ней, принадлежат к англо-саксонской традиции, что во многом определяет как содержание теории вкупе с проблематикой, так и особое ее значение для процесса принятия решений в современном мире, о чем будет сказано далее.

Третий дискурс во многом сформировался как реакция на неспособность двух первых адекватно работать с социальной реальностью военных конфликтов рубежа XX и XXI веков. Его методологию сложнее определить, однако речь идет об изменении самого объекта рассмотрения — войн, что, в свою очередь, требует *модернизации* оптики анализа. Войны меняются под влиянием процессов двух классов. Международная политика, развитие которой в XX веке по очевидным причинам было малоконтролируемым, наконец дошла до такого состояния, когда глобальное сообщество в большинстве случаев способно предотвратить эскалацию конфликта, а значительная часть стран первого мира не участвует в военных конфликтах на своей территории. По крайней мере, именно это декларируется как достижения международного процесса во второй половине прошлого века⁷. Но не только внешнеполитическая структура изменила характер военных конфликтов: на-

5. Фон Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1998. С. 334.

6. Baer H. D., Capizzi E. J. Problem of International Politics: On the Central Role of Just Intention // Journal of the Society of Christian Ethics. 2006. Vol. 26. № 1. P. 164–165.

7. См.: Игнатьев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. М.: НЛО, 2019.

учно-техническое развитие повлекло за собой множество перемен, позволяющих задаться вопросом о политической первопричине трансформации «старых войн» в «новые войны». Но, возможно, мы переоцениваем политический гуманизм и разумность международного сообщества, одновременно недооценивая социально-экономические и технологические трансформации современности.

Мы видим, что третий дискурс размышления о войне появляется как реакция на ограниченную применимость теоретической рамки первых двух и отталкивается от изменившейся социальной реальности ведения войны. Однако «новые войны» при вынесении этического суждения опираются на теорию справедливой войны и, в сущности, вне концептуальных рамок аналитического стиля мышления не ставят фундаментальных вопросов о войне вообще: оправдана ли война? Возможно ли будущее без войн? Эта теоретическая рамка инструментальна, и мы вправе задаться вопросом: следует ли вообще отказываться от попыток вновь помыслить войну по-философски, радикально?⁸ Тем более что, как мы увидим, и в своей прикладной части концепция «новых войн» не до конца схватывает сложность актуальной реальности.

Комплексное переплетение трех модусов мышления требует, чтобы мы хотя бы кратко рассмотрели их сущностные черты, продолжающие оказывать влияние на современную мысль. Проблема, однако, в том, что эти модусы в рамках теории мало пересекаются между собой, а в той части, где пересекаются, не просто обогащают друг друга, но вступают в противоречия, критикуя концептуальные основания друг друга. Очевидно, что хронологически первым «современным» теоретиком войны является Клаузевиц, чья теория не только и не столько остается в фокусе внимания философов и теоретиков культуры, сколько продолжает служить фундаментом размышления о *ведении* войны для тех, кому приходится участвовать в боевых действиях по долгу службы, тем более что излишнего философствования генерал старался избегать:

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка⁹.

8. См.: Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и соответствующие предметы. М.: Европа, 2011.

9. Фон Клаузевиц К. Указ. соч. С. 32.

Для военных Клаузевиц является и философом, поскольку степень предложенной им новизны в понимании природы войны, а также удачная, логическая систематизация основных трудностей, которые необходимо обозреть стратегам, была достаточна для изменения парадигмы вообще¹⁰.

В статье с более чем показательным названием «Воскрешая „икону“», направленной против критического рассмотрения влияния идей Клаузевица на стратегическое планирование военных действий американскими военными в Ираке и некоторых других современных конфликтов, Николас Гарднер пишет:

Более чем любая другая работа, «О войне» предлагает основания для понимания природы войны, что является необходимым первым шагом в процессе изобретения разумной и надежной стратегии. Вместо того чтобы отбросить его в сторону, нам следует читать Клаузевица более внимательно, чем когда-либо¹¹.

Этой же точки зрения придерживается Егор Соколов, — то ли требуя актуализировать Клаузевица, то ли переживая о том, что он не может быть актуализирован в России, — в статье «Современность войны: Карл фон Клаузевиц и его теория»¹². Любопытно во всем этом то, что речь идет о стратегическом и тактическом планировании *современности*, и логика войны воспроизводится, не меняясь, с XIX века.

Существуют, однако, и попытки реактуализировать Клаузевица и для малых конфликтов, которыми занимается теория «новых войн». Из них важнейшими являются партизанские войны:

Многие критики Клаузевица концентрируются на его незаконченном главном произведении «О войне». Они при этом упускают из виду, что ранее он в многочисленных работах уделял особое внимание рассмотрению вопросов партизанской войны и вооруженного народа¹³.

10. King J. On Clausewitz: Master Theorist of War // Naval College Review. 1977. Vol. 30. № 2. P. 3.

11. Gardner N. Resurrecting the “Icon”: The Enduring Relevance of Clausewitz’s On War // Strategic Studies Quarterly. 2009. Vol. 3. № 1. P. 131.

12. См. статью Егора Соколова «Современность войны: Карл Клаузевиц и его теория» в настоящем номере «Логоса».

13. Daase C., Schindler S. Clausewitz, Guerillakrieg und Terrorismus. Zur Aktualität einer missverstandenen Kriegstheorie // Politische Vierteljahresschrift. 2009. Vol. 50. № 4. S. 703.

Большие войны изменились, и поэтому идеи основной работы Клаузевица начинают терять объект приложения, но почему-то к нему обращаются для описания «малых», периферийных войн. Не будет удивительным, если при определенной историко-философской удаче Клаузевиц, с учением которого и так все в порядке, если мыслить в категориях актуальности, получит второе дыхание и в своем приложении к современности. Это не будет удивительным, но будет неправильным. Потому что поклонники Клаузевица до некоторой степени мешают развитию новой теоретической оптики для понимания актуальных военных конфликтов. Например, многие критики концепции «новых войн» Мэри Калдор, о которой речь пойдет ниже, задавались вопросом, можно ли описать такие войны вне пределов понимания войны Клаузевицем¹⁴. Спойлер: могут. Но проблема в том, что поклонники Клаузевица не просто считают его «иконой», но и некоторым образом блокируют иные подходы к пониманию войн XXI столетия, которые, как бы нам того ни хотелось, все же не являются войнами XIX века.

Заметим, что взаимосвязь актуальности Клаузевица для ведения реальной войны могла повлиять и на его рецепцию в философии; то есть след, оставленный им в истории мысли, не обязательно может считаться «прямым», но опосредованным: его идеи показались чрезвычайно актуальными для военачальников, и уже это влияние во многом пробудило интерес философов к «О войне». Лучшим подтверждением этого тезиса является предисловие к этому труду Грэма Хармана, которое можно прочесть в данном номере «Логоса»¹⁵. Пытаясь определить, что было так интересно публике в сочинении Клаузевица, можно сказать, что это в некотором роде макиавеллевский дух его концепции. Сравнение «О войне» с «Государем» Никколо Макиавелли может структурно обогатить понимание значения первого труда для философии. Прагматически ориентированная работа, неудачи в основной сфере деятельности (политика и командование войсками), жанр, последующее влияние — достаточно многое формально объединяет судьбу работ двух мыслителей. Иными словами, Клаузевиц для теории войны — примерно то же, что и Макиавелли для политической теории. Некоторая ирония в данном случае состоит в том, что насколько современен оказался Макиавелли в политической мысли, настоль-

14. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 379, 400–411.

15. Harman G. An Introduction // Von Clausewitz C. On War. L.: Repeater, 2019 (см. перевод статьи Грэма Хармана в настоящем номере «Логоса»).

ко же архаичен в теории и практике войны. Что должна предоставить уму эта аналогия, так это предостережение от буквально-го и наивного понимания — и у Макиавелли, и у Клаузевица есть глубокие и тонкие рассуждения о своих предметах. Иными словами, мы же не применяем «вредные советы» Макиавелли буквально? В этом отношении и теория Клаузевица должна нам быть интересна скорее как теория, а не как руководство к действию.

Но каков тогда, в сущности, главный тезис Клаузевица? Можно предположить, что в нем кроется секрет популярности теоретика войны в среде военных, потому что, определяя природу военного конфликта, он ограничивает реальность, предоставляя практикам поле для деятельности. Речь идет о наиболее цитируемом пассаже из «О войне»:

Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами¹⁶.

Смысл его для построения теории ведения войны очень прост: война неизбежна, ведь политика никуда не уйдет, учитывая политическую природу человека. Затем Клаузевиц говорит нечто о «подлинности орудия», что должно быть особенно приятно людям, профессионально связанным с военной сферой, поскольку это не только легитимирует их деятельность, признавая ее естественный характер, но и в некотором роде говорит об ее предпочтительности, «чистоте» в сравнении с другими.

А вот интерпретации Клаузевица, собственно, в философском осмыслении войны многообразны и подчас крайне любопытны. Они могут включать в себя почти немыслимый диапазон рецепций: от обращения к Клаузевицу в марксизме до интерпретации лингвистических репрезентаций власти Мишелем Фуко¹⁷. Наиболее интересным и актуальным примером понимания логики Клаузевица с философской точки зрения будет работа Рене Жирара «Завершить Клаузевица»¹⁸, поскольку именно она воплощает в себе понимание логики войны, которая определяется как

16. *Фон Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 55–56.

17. См., напр.: *Gat A.* Clausewitz and the Marxists: Yet Another Look // *Journal of Contemporary History.* 1992. Vol. 27. № 2. P. 363–384; *Reid K.* Foucault on Clausewitz: Conceptualizing the Relationship Between War and Power // *Alternatives: Global, Local, Political.* 2003. Vol. 28. № 1. P. 4–7.

18. *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром / Пер. с фр. А. Зыгмонт. М.: Издательство ББИ, 2019.

естественность. И третий мир, чей политический рессентимент выражен в терроризме, и угроза ядерной войны, в сущности, лишь логическое завершение понимания войны как обыденности и стремления к окончательной победе как исходу любого конфликта. «Реальные войны» абсолютны:

Люди, таким образом, всегда находятся в ситуации порядка и хаоса, войны и мира одновременно. Поэтому мы всё менее способны отделять друг от друга эти две реальности, которые вплоть до эпохи Французской революции были кодифицированы, ритуализированы. Сегодня никакой разницы уже нет¹⁹.

Рассуждая о теории справедливой войны, следует отметить важный факт: она не только действует в единой парадигме работы с эмпирическим материалом, но и ограничена конкретными философскими — в плане прикладной этики — рамками. Поэтому эта концепция, будучи конкретной и на практике, и в теории, находится в более выигрышном положении по отношению к теме актуализации Клаузевица и уж точно — к такому дискуссионному вопросу, как «новые войны». Теория справедливой войны наделяет военные конфликты «серым» статусом, с одной стороны, постулируя их как зло, причем неизбежное и непредотвратимое, но с другой — признавая возможность путем рациональной дискуссии определить, как это зло минимизировать, что, несомненно, крайне важный вопрос²⁰. В этом дискурсе радикальный, предельный в смысле абсолютистского решения вопрос о войне не ставится в принципе, как не ставится вопрос и о будущем войны. Для теории справедливой войны война просто существует как эмпирический факт; таким образом, в этой системе философских координат она становится материалом для прикладного этического анализа, а не моральной оценки. Несмотря на это, в отношении этических аргументов, разработанных для понимания последствий и течения военных действий, а также максимально возможной элиминации последствий, теоретики справедливой войны сделали достаточно.

Отправная точка доктрины справедливой войны — неотчуждаемое в международных отношениях, формально зарегистрированное право государств на начало военного конфликта для отстаивания

19. Там же. С. 39.

20. *Dolnik A. Justice Beyond Question? Military Responses to International Terrorism and Just War Theory // Perspectives. 2002. № 18. P. 24.*

своих интересов²¹. В данном случае мы можем зафиксировать, конечно, преемственность с логикой размышлений Клаузевица, но понимание границ этих интересов различается по меньшей мере на уровне риторики. Смысл в данном случае не в победе одного, но в победе «всех», то есть в заботе о коллективной безопасности; если она окажется под угрозой, это может привести к военному конфликту. При ответе на ключевой вопрос о правомерности начала военной акции, именуемый в терминологическом аппарате *jus ad bellum*, теория справедливой войны в общем виде предлагает пять вопросов для определения разумности принятого решения: 1) оценка серьезности угрозы; 2) определение, является ли причина надлежащей; 3) возможность применения «последнего средства» в отсутствие других опций; 4) соразмерность средств; 5) баланс последствий²².

Второй комплекс размышлений данного дискурса касается способов ведения войны, или *jus in bello*. Этическое должностничество, предполагающее разделение ответственности и минимизацию последствий для населения, стран и мирового сообщества в целом, лежит в основе модуса рассуждений о способе ведения войны. Многообразие аргументов и казусов, рассматриваемое этической теорией, поражает воображение, однако весь их смысл достаточно прост — предоставить понимание того, в каких взаимоотношениях могут находиться комбатанты друг с другом и какие меры они могут применять в отношении некомбатантов. В такой понимании теория справедливой войны остается клаузевицевской, то есть является теоретически ограниченной по отношению к новым типам конфликтов, которые также называются «новыми войнами», потому что автор концепции «новых войн» Мэри Калдор в абстрактных, а не конкретных терминах считает двух конфликтующих субъектов заинтересованными в «долгой войне», а не в ее завершении²³.

Соотношение между *jus ad bellum* и *jus in bello* становится предметом проблематизации и в самой теории справедливой войны²⁴, ведь оказывается, что реально применимой теория оказывается при

21. Williams H. Is Just War Theory Merely for Sorry Comforters? // *Jahrbuch für Recht und Ethik*. 2009. Vol. 17. P. 195–196.
22. Lango J. *The Ethics of Armed Conflict: A Cosmopolitan Just War Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 19.
23. Калдор М. Указ. соч. С. 409.
24. См.: McMahan J. *Morality, Law, and the Relation Between Jus ad Bellum and Jus in Bello* // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 2006. Vol. 100. P. 112–114; Mertus J. *The Danger of Conflating Jus ad Bellum and Jus in Bello* // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 2006. Vol. 100. P. 114–117.

разработке правил поведения на поле боя и в районах оккупации, что на самом деле упраздняет сам ее этический нормативный смысл. Скажем, солдаты могли бы и не оказаться на поле боя, если бы мир был устроен иначе. А мышление в рамках *jus ad bellum*, дающее солдату необходимую уверенность в том, что он участвует в справедливой войне, тем самым легитимирует войну. Мы ведь не можем сказать, что большая часть конфликтов, которая легитимируется в том числе и теорией справедливой войны, действительно *справедлива*, если обратимся к этической коннотации этого слова. Оказывается, что теория справедливой войны лишь способствует увеличению и оправданию насильственных конфликтов, фактически не помогая этих конфликтов избежать. В свою очередь, Николай Афанасов, текст которого также опубликован в этом номере, справедливо отмечает, что теоретическая оптика теории справедливой войны все меньше и меньше соответствует реальности «новых войн»²⁵.

Вместе с тем проблема техники с неизбежностью должна была возникнуть и в рамках данного дискурса. Переход к переосмыслению военных действий на фоне ускоренного развития техники намечается уже в этической парадигмальной рамке доктрин справедливой войны:

Технологические системы, как в ограниченном контексте военных операций, так и в контексте национальной безопасности, а также вокруг социальных и культурных систем в целом, не просто выступают в качестве глубоко дестабилизирующего фактора. Скорее они определяют новые государственные системы вообще; они изменяют и объединяют рукотворные, человеческие и естественные системы и сети в непредсказуемом, случайном и фундаментальном виде²⁶.

Проблема технической трансформации ведения военного конфликта и акцентуация внимания на ней в рамках теории справедливой войны не случайна, поскольку правила глобальной игры в военных конфликтах определены ядерным сдерживанием, но вот этическая сторона вопроса меняется из-за новейших технологий. И эти изменения часто затрагивают не только комбатантов, но и саму теорию, поскольку способы наблюдения и контроля за ходом военных действий не позволяют скрыть реальные ужасы и неэтичные поступки

25. См. статью Николая Афанасова «Новые войны — старая этика» в настоящем номере «Логоса».

26. Allenby B. The Implications of Emerging Technologies for Just War Theory // Public Affairs Quarterly. 2013. Vol. 27. № 1. P. 54.

командования и солдат, что выдвигает новый вызов теории справедливой войны²⁷. Развитие контроля над полем боя позволяет теории стать более ригористичной, не утратив при этом своей практической ориентации. Все это, с одной стороны, обогащает данный дискурс теоретически и, можно сказать, нравственно, но с другой — размывает и даже нивелирует его за счет дискуссий о новой войне и новых конфликтах и ставит вопрос о целесообразности сохранения применимости и чистоты этой теории. Иными словами, не следует ли нам в итоге свести все дискурсы к единому знаменателю, учитывающему новейшее положение дел в военных конфликтах? Это подводит нас к третьему философскому дискурсу о войне.

Третий модус размышлений о войне — это «новые войны», названные так Мэри Калдор²⁸. Этот термин имеет свое содержание: войны окончательно глобализирующейся эпохи после окончания холодной войны, а не «абстрактные» новые войны. Хотя, следует признать, сама Калдор в некотором значении говорит о них как о наиболее абстрактной категории, впрочем прибегая в данном случае к этому вынужденно — чтобы доказать «постклаузевицевскую» природу новых войн. Характеристика глобализации, определяемая Калдор как «комплексный процесс, который в действительности включает в себя одновременно и глобализацию и локализацию, интеграцию и фрагментацию, гомогенизацию и дифференциацию и т. п.»²⁹, зеркально отражает и характер новой войны в глобализованном мире, потому что войны становятся разными, сложными и включают в себя измерение мирового процесса в целом.

С теорией справедливой войны концепцию Калдор интеллектуально роднит общая интенция, состоящая отнюдь не в банальном описании изменившейся природы военных конфликтов, но в поиске возможностей ограничения насилия³⁰. Насилие в новых войнах реализуется чаще всего не столько между комбатантами, сколько в отношении гражданского населения; насилие опосредованное, отложенное, вызванное самим фактом военного вмешательства, результатом которого в новых войнах редко является установление прочного мира. Партизанские войны, гражданские войны, гуманитарные интервенции, тлеющие конфликты — все это уже существовало на протяжении предшествующих

27. *Beard J.* Law and War in the Virtual Era // *The American Journal of International Law.* 2009. Vol. 103. № 3. P. 411–414, 431.

28. См.: *Калдор М.* Указ. соч.

29. Там же. С. 157.

30. *Соколов Е.* Война как бриколаж // *Калдор М.* Указ соч. С. 8.

десятилетий и даже столетий, но такие конфликты не были основными формами ведения боевых действий, иными словами, они не относились к «норме». На сегодняшний день это нормативная реальность войны, с которой крайне сложно работать с позиций прикладной этики, поскольку если у классических теорий войны и было оправдание, будто война поможет установлению мира, то в ситуации новых войн главный вопрос состоит в том, как вести себя в рамках этого зла, без претензии на добро.

Вопрос о том, действительно ли «новы» новые войны, впрочем, ставится исследователями. Но не для того, чтобы отрицать изменение положения дел в ведении военных конфликтов, а для уточнения термина, дополнения смыслов, которые в него вложила Мэри Калдор³¹, потому что концепт «новой» войны, пусть и имевший конкретное содержание на момент появления, должен обновляться по мере трансформации средств ведения войны. На формат ведения военных конфликтов в последние десятилетия значительно больше влияли технологии, чем какие-либо политические события. К примеру, массированное использование авиации для минимизации потерь среди личного состава нарушает один из базовых принципов теории справедливой войны — принцип иммунитета некомбатантов³².

Дискурс «новых войн» открывает войну для исследования с неожиданных ракурсов, акцентируя социально-экономическую природу военных конфликтов, а также привлекая внимание исследователей к тем их аспектам, которые не были представлены при традиционном рассмотрении темы. Та же Мэри Калдор и ее соавтор в одной из статей предложили рассматривать новые войны, например, из перспективы гендерной проблематики: роль женщин в них изменилась по сравнению с войнами прошлого³³. Этот поворот к социальной теории следует зафиксировать, поскольку можно проследить тенденцию, которую он в настоящий момент все еще скрывает: война, воспринимаемая, несомненно, как этическое зло, последствия которого необходимо ограничить, может быть понята только при рассмотрении в качестве социального феномена современности. Рискнем предположить, что без понимания основных черт современности и места войны в ней модерни-

31. См.: *Berdal M.* How “New” are “New” Wars? *Global Economic Change and the Study of the Civil War // Global Governance.* 2003. Vol. 9. № 4. P. 477–502.

32. *Cook M. L.* Applied Just War Theory: Moral Implications of New Weapons for Air War // *The Annual of the Society of Christian Ethics.* 1998. Vol. 18. P. 207–208.

33. См.: *Chinkin C., Kaldor M.* Gender and New Wars // *Journal of International Affairs.* 2013. Vol. 67. № 1. P. 167–190.

зация дискурса о войне, а может быть, и создание новой методологической установки не может произойти.

И здесь мы сталкиваемся с одной из основных проблем социальной теории. Дело в том, что философы или социологи, которые рассуждают о войне, чаще всего рассуждают именно о войне. В то время как культурологи и социальные теоретики, которые пытаются работать с такими сложными понятиями, как «современность», работают либо просто с культурой, либо с философскими концепциями. Скажем, та же Мэри Калдор вкратце упоминает, что «новые войны» она также называла «постсовременными»³⁴, но этот термин не прижился. Хотя сегодня теория постмодерна становится все менее актуальной (зато теория модерна и современности, как видим, все еще работает), мы наблюдаем некоторую невозможность встречи двух дискурсов. Одним из тех немногих философов, рассуждающих о постмодерне, кто хотя бы затронул тему «постмодернистской войны», был Фредрик Джеймисон, назвавший войну во Вьетнаме «первой постмодернистской войной»³⁵ и связавший ее с новым восприятием пространства. Здесь не место рассуждать о том, как война может быть соотнесена с теорией (пост)современности. Главное для нас — поставить проблему. Иными словами, дискурс о «новых войнах», в котором современность как актуальность хотя бы фигурирует, в то время как два других дискурса обнаруживают определенные теоретические слабости, может быть расширен за счет инструментария социальной теории, которая, в свою очередь, редко обращает внимание на войну. Между тем тот факт, что война нам современна, очевиден. И поскольку, как мы заметили в начале, более чем вероятно, что именно *новые* войны — а не старые и не революции — будут сопровождать нас в обозримом будущем, нам нужна адекватная теория, то есть новый, четвертый дискурс о войне, построенный на фундаменте третьего.

Библиография

- Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011.
Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и соответствующие предметы. М.: Европа, 2011.

34. Калдор М. Указ. соч. С. 378.

35. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 155.

- Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром / Пер. с фр. А. Зыгмонт. М.: Издательство ББИ, 2019.
- Игнатъев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. М.: НЛЮ, 2019.
- Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Соколов Е. Война как бриколаж // Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Фон Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1998.
- Allenby B. The Implications of Emerging Technologies for Just War Theory // *Public Affairs Quarterly*. 2013. Vol. 27. № 1. P. 49–67.
- Baer H. D., Capizzi E. J. Problem of International Politics: On the Central Role of Just Intention // *Journal of the Society of Christian Ethics*. 2006. Vol. 26. № 1. P. 163–175.
- Beard J. Law and War in the Virtual Era // *The American Journal of International Law*. 2009. Vol. 103. № 3. P. 409–445.
- Berdal M. How “New” are “New” Wars? Global Economic Change and the Study of the Civil War // *Global Governance*. 2003. Vol. 9. № 4. P. 477–502.
- Chinkin C., Kaldor M. Gender and New Wars // *Journal of International Affairs*. 2013. Vol. 67. № 1. P. 167–190.
- Cook M. L. Applied Just War Theory: Moral Implications of New Weapons for Air War // *The Annual of the Society of Christian Ethics*. 1998. Vol. 18. P. 199–219.
- Daase C., Schindler S. Clausewitz, Guerillakrieg und Terrorismus. Zur Aktualität einer missverstandenen Kriegstheorie // *Politische Vierteljahresschrift*. 2009. Vol. 50. № 4. P. 701–731.
- Dolnik A. Justice Beyond Question? Military Responses to International Terrorism and Just War Theory // *Perspectives*. 2002. № 18. P. 21–39.
- Gardner N. Resurrecting the “Icon”: The Enduring Relevance of Clausewitz’s On War // *Strategic Studies Quarterly*. 2009. Vol. 3. № 1. P. 119–133.
- Gat A. Clausewitz and the Marxists: Yet Another Look // *Journal of Contemporary History*. 1992. Vol. 27. № 2. P. 363–384.
- Harman G. An Introduction // Von Clausewitz C. On War. L.: Repeater, 2019.
- King J. On Clausewitz: Master Theorist of War // *Naval College Review*. 1977. Vol. 30. № 2. P. 3–36.
- Lango J. The Ethics of Armed Conflict: A Cosmopolitan Just War Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
- McMahan J. Morality, Law, and the Relation Between Jus ad Bellum and Jus in Bello // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 2006. Vol. 100. P. 112–114.
- Mertus J. The Danger of Conflating Jus ad Bellum and Jus in Bello // *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 2006. Vol. 100. P. 114–117.
- Reid K. Foucault on Clausewitz: Conceptualizing the Relationship Between War and Power // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2003. Vol. 28. № 1. P. 4–7.
- Williams H. Is Just War Theory Merely for Sorry Comforters? // *Jahrbuch für Recht und Ethik*. 2009. Vol. 17. P. 195–224.

THE POST-CONTEMPORANEITY OF WAR

ALEXANDER PAVLOV. Associate Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities; Chair, Social Philosophy Department, apavlov@hse.ru.
National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (RAS), 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: contemporaneity; postmodern; war; just war theory; “new wars”; social theory.

The article summarizes material from the thematic issue of *Logos* on the study of war. The author notes that, contrary to Hannah Arendt’s prediction, it is wars rather than revolutions that accompany human social activity in the twenty-first century. And because war is such a ubiquitous phenomenon, philosophers have tried to gain an understanding of it. Despite the great variety of arguments about war, we can distinguish three theoretical discourses each focused on its own separate topic. The first discourse is an attempt to rehabilitate the military thought of Carl von Clausewitz, the first theorist of “modern” war; the second is the just war theory, which concentrates on issues of applied ethics (whether it is legitimate to start war, how to conduct warfare, what to do after the conflict, etc.); the third is the discussion on “new wars.”

The author maintains that the second discourse is too instrumental and that the just war theoretical apparatus often lags behind the empirical realities. The first approach can at best be an abstract and theoretical one, but it is not by any means useful as an applied theory. Hence, the most important of these discourses for practical philosophy is the third one, that is, the debate about “new wars.” That is why developing and elucidating the theory and ¾ most important of all — the practice of new wars demands attention. The conclusion is that the social theory of (post)modernity would enrich the new wars discourse, and further areas for study are therefore mapped out.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-247-261

References

- Allenby B. The Implications of Emerging Technologies for Just War Theory. *Public Affairs Quarterly*, 2013, vol. 27, no. 1, pp. 49–67.
- Arendt H. *O revoliutsii* [On Revolution], Moscow, Europe, 2011.
- Baer H. D., Capizzi E. J. Problem of International Politics: On the Central Role of Just Intention. *Journal of the Society of Christian Ethics*, 2006, vol. 26, no. 1, pp. 163–175.
- Beard J. Law and War in the Virtual Era. *The American Journal of International Law*, 2009, vol. 103, no. 3, pp. 409–445.
- Berdal M. How “New” are “New” Wars? Global Economic Change and the Study of the Civil War. *Global Governance*, 2003, vol. 9, no. 4, pp. 477–502.
- Chinkin C., Kaldor M. Gender and New Wars. *Journal of International Affairs*, 2013, vol. 67, no. 1, pp. 167–190.
- Cook M. L. Applied Just War Theory: Moral Implications of New Weapons for Air War. *The Annual of the Society of Christian Ethics*, 1998, vol. 18, pp. 199–219.
- Daase C., Schindler S. Clausewitz, Guerillakrieg und Terrorismus. Zur Aktualität einer missverstandenen Kriegstheorie. *Politische Vierteljahresschrift*, 2009, vol. 50, no. 4, pp. 701–731.

- Dolnik A. Justice Beyond Question? Military Responses to International Terrorism and Just War Theory. *Perspectives*, 2002, no. 18, pp. 21–39.
- Gardner N. Resurrecting the “Icon”: The Enduring Relevance of Clausewitz’s On War. *Strategic Studies Quarterly*, 2009, vol. 3, no. 1, pp. 119–133.
- Gat A. Clausewitz and the Marxists: Yet Another Look. *Journal of Contemporary History*, 1992, vol. 27, no. 2, pp. 363–384.
- Girard R. *Zavershit’ Klauzevitsa. Besedy s Benua Shantrom* [Achever Clausewitz. Entretien avec Benoit Chantre], Moscow, Izdatel’stvo BBI, 2019.
- Goldstone J. *Revoliutsii. Ochen’ kratkoe vvedenie* [Revolution. A Very Short Introduction], Moscow, Izdatel’stvo Instituta Gaidara, 2017.
- Harman G. An Introduction. In: Von Clausewitz C. *On War*, London, Repeater, 2019.
- Ignatieff M. *Prava cheloveka kak politika i kak idolopoklonstvo* [Human Rights as Politics and Idolatry], Moscow, New Literary Observer, 2019.
- Jameson F. *Postmodernizm, ili Kul’turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism], Moscow, Izdatel’stvo Instituta Gaidara, 2019.
- Kaldor M. *Novye i starye voiny. Organizovannoe nasilie v global’nuu epokhu* [New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era], Moscow, Izdatel’stvo Instituta Gaidara, 2015.
- King J. On Clausewitz: Master Theorist of War. *Naval College Review*, 1977, vol. 30, no. 2, pp. 3–36.
- Lango J. *The Ethics of Armed Conflict: A Cosmopolitan Just War Theory*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014.
- McMahan J. Morality, Law, and the Relation Between Jus ad Bellum and Jus in Bello. *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*, 2006, vol. 100, pp. 112–114.
- Mertus J. The Danger of Conflating Jus ad Bellum and Jus in Bello. *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*, 2006, vol. 100, pp. 114–117.
- Reid K. Foucault on Clausewitz: Conceptualizing the Relationship Between War and Power. *Alternatives: Global, Local, Political*, 2003, vol. 28, no. 1, pp. 4–7.
- Sokolov E. *Voina kak brikolazh* [War as Bricolage]. In: Kaldor M. *Novye i starye voiny. Organizovannoe nasilie v global’nuu epokhu* [New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era], Moscow, Izdatel’stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Von Clausewitz C. *O voine* [Vom Kriege], Moscow, Logos, Nauka, 1998.
- Williams H. Is Just War Theory Merely for Sorry Comforters? *Jahrbuch für Recht und Ethik*, 2009, vol. 17, pp. 195–224.
- Žižek S. *Razmyshleniia v krasnom tsvete: kommunisticheskii vzgliad na krizis i sootvetstvuiushchie predmety* [Reflection in a Red Eye: a Communist Examination of the Crisis and Related Matters], Moscow, Europe, 2011.